

ЗИНАИДА
ГИППИУС

СОСЕД

№ 1

Зинаида Николаевна Гиппиус

Сосед № 1

Аннотация

«Позвонить, что ли, к соседу? Отчего ж; можно и к соседу. Позвоню. Сосед наш... Я уж не помню, сколько лет мы его знаем. Наверно, знали и тогда, когда он не был соседом.

Что мы близки с ним (не в смысле соседних домов) – этого нельзя сказать. Мы близки, как все петербургские интеллигенты близки между собою. Если интеллигентское собрание, да в частной квартире, – (хотя бы и у нас) – почти наверное сосед тут же. И тем наверное, чем собрание «левее», а, главное, «таинственнее». Дешевая, большею частью, таинственность, но это все равно. Сосед любит таинственность и любит ее вид...»

Зинаида Гиппиус

Сосед № 1

Позвонить, что ли, к соседу? Отчего ж; можно и к соседу Позвоню. Сосед наш... Я уж не помню, сколько лет мы его знаем. Наверно, знали и тогда, когда он не был соседом.

Что мы близки с ним (не в смысле соседних домов) – этого нельзя сказать. Мы близки, как все петербургские интеллигенты близки между собою. Если интеллигентское собрание, да в частной квартире, – (хотя бы и у нас) – почти наверное сосед тут же. И тем наверное, чем собрание «левее», а, главное, «таинственнее». Дешевая, большею частью, таинственность, но это все равно. Сосед любит таинственность и любит ее вид. Он и говорит, – довольно мало, – особенным, тихим голосом, с особенными интонациями таинственности: чем народу меньше, тем он говорит больше, а когда приходит один или вдвоем с кем-нибудь, – речи его обильны и так шепотны, что все время ждешь какого-то потрясающего секрета, но потом забываешь, что его не было, так как забываешь и все речи целиком.

Публичным выступлениям сосед не чужд, странно даже говорить, ведь он – присяжный поверенный! Но это не важно, об этом никто не думает: сосед наш, главным образом, – эсдек. Главным образом.

Смотрю на него, когда устаю от таинственного шепота без

секрета, – и прикидываю: на кого он похож? На протоирея он ужасно похож: рясу коричневую, крест золотой – и просто художественный образ! Исследую это сходство строго, боясь, как бы не помешала объективности ассоциация идей, знание, – что отец-то соседа – был настоящий протоирей, и даже не без знаменитости: все мы, в детстве, в гимназиях, по его «одобренным» учебникам Закон Божий зубрили. Но, ей-Богу, если б и не знать это про соседа – протоирей самостоятельно навязался бы. Одна «вкусность» его к жизни какая красочная. Ведь по манере отставлять руку, садиться за чайный стол, по тысяче мелочей видишь. Как *вкусно*, как *аппетитно* живет сосед. Не обманываю себя: по адвокатским ли, по таинственно-интеллигентским ли делам куда-нибудь он едет (например, по делам загадочного кружка «О.-О.», на счет же путешествий по эсдечным делам – я сомневаюсь) – он должен ехать во втором классе, но со своими собственными простынями, чтобы уютно устроиться на ночь, и со своей провизией; он должен! В самом крайнем случае, если не провизия, он на каждой станции должен вылезать, закусывать, – ну и пивца бутылочку; а чего-нибудь, каких-нибудь пряничков или хоть леденцов – и в вагон из буфета захватить, – сластена!

Я не обманываю себя: если б это исключительно зависело от моего соседа – мы до сих пор не имели бы огнестрельного оружия, – не слышали бы, как пахнет порох. Но, во-первых, не было бы ли это к лучшему (война менее проклятая), а, во-

вторых, – мне нравится сосед и так: оно художественнее.

* * *

Мы видели соседа в эту зиму довольно часто, а последний раз совсем недавно, совсем перед началом странных дней, даже чуть ли не во время неуследимого начала их странности.

А сосед был как сосед. Вкусно мурлыкал те же интеллигентско-эсдечные пессимистичности (это полагалось во время войны) и даже мало намекал на самое отдаленное будущее. Да, да, вспоминаю: это было при *самом* начале, но при начале. Он только плечами пожал и, кажется, не совсем даже понял, о чем мы спрашиваем. О чем, в самом деле? Все было, как вчера, как месяц, как год тому назад.

В прошлом году не было таких белых дней. От пронзительной белизны снеговой, – а снегу навалило невиданные горы, – все было пронзительно бело везде: свет белый в комнатах, воздух белый, даже небо какое-то, хоть и голубое, но с молоком. И каждый день снег еще падал; от этого еще увеличивалась прелесть и надежность чистоты; снег хрустел, но не казался хрупким.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.